

18 ЯНВ 1970
от . . . . .

Газета № . . . . .

ТЕАТР

ВЕРНЫЕ ШАГИ

В репертуаре Северо-Осетинского государственного музыкально-драматического театра появилось два новых спектакля — «Демон» и «Баранкин, будь человеком!», в которых впервые пробует свои силы молодой балетмейстер И. Азиев. Скажем сразу, трудно выступать в другом качестве в своем же коллективе (ведь Азиев — танцовщик). Но слушатель высших режиссерских курсов ГИТИСа Азиев убеждает скептиков, удовлетворяет взыскательные вкусы зрителей и критики.

Говоря о «Баранкине», прежде всего хочется отметить достоинства этого спектакля. Режиссер, дирижер и балетмейстер успешно решили постав-

ленную задачу — синтетический, оперно-балетный спектакль удался. Музыка, пение, драматическая игра и танец здесь представлены во взаимосвязи, и ни один из этих компонентов не имеет превалирующего значения.

Постановщики избегают внешней эффективности спектакля, не перегружают его танцами. Но вот художественное оформление в этом отношении огорчает. Видимо, художник не смог до конца понять замысла режиссера. Оформление местами броско, но тяжеловато для глаза.

Однако я несколько отвлеклась, ибо не берусь говорить о спектакле в целом. В центре

моего внимания, как хореографа — танцы, пластическое решение спектакля в целом.

Отрадно, что для балетмейстера танцы в этом спектакле — не ради возможности потанцевать, они раскрывают образное решение сцен, дополняют режиссерскую мысль. Фигуры веселых художников имеют совершенно определенное значение — как сценический прием, они служат так называемым синтезирующим средством для отдельных сцен, что, естественно, придает спектаклю целостность. Танцы эти, хоть и не раскрывают какой-то определенной мысли в каждом отдельном куске, но в целом по характеру, по незатейливости рисунка, стройности композиции и легкости придают спектаклю прозрачность, непосредственность, непринужденность. Во всяком случае, задают такой тон...

Танцы воробьев... Балетмейстер избегает примитивного иммитаторства движений птиц. Здесь, я бы сказала, подчеркивается индивидуализация характера через движение. А вот танец бабочек мне кажется немножко статичным, хотелось бы видеть их полет, этих милых созданий, жаль, что площадка хореографом используется не полностью. Ведь танцующие бабочки могли бы даже при этой мизансцене соз-

дать впечатление порхания, легкости, полета.

Всего этого хореограф достигает в танцевальных номерах (в отдельных вариациях, в вальсе). Адажио — здесь где-то немного балетмейстер теряет чувство меры. Он стремится к предельной насыщенности этой сцены танцевальностью. Но я не вижу греха в том, что, естественно, балетмейстеру хотелось показать свои способности, владение классическим танцем (это только различные грани его дарования). Танец в характере менуэта придает особый аромат, утонченность всей сцене.

Муравьиное царство. Мне нравится чисто пластическое решение всей сцены. Интересен контраст между беззаботно порхающими, оторванными от земли бабочками и муравьями-трудягами. Беру на себя смелость сказать, что здесь интересно решена идея неба и земли, и затем, через реальность, — переход к человеку. Верна мысль о том, что красоты царств птиц и насекомых не заменяют кипучего, трудного и прекрасного человеческого бытия.

Веселый, легкий, красочный «Баранкин» и классический репертуар — «Демон»... И здесь видно серьезное, вдумчивое отношение балетмейстера к замыслу произведения, к решению танцевальных сцен, понимание симфонической музыки, способность ее воспринять и хореографически решить.

Бросается (опять!!!) в глаза, что балетмейстер верно и до конца понял мысли режис-

сера. Танец в этом спектакле рождается не сам по себе, а естественно и просто вытекает из действия, пластически обогатывая спектакль.

Рисунок танца девушек незатейлив, но красив, музыкально грамотен. Вообще и женские и мужские танцы поставлены предельно музыкально. Интересно, что строятся они по принципу контраста, и этот принцип выдерживается не только в отношении между лирическими плавными и темпераментными танцами, но и в построении отдельно мужского куска (движение двух групп). Танцы не тормозят действия, потому что решены они чисто режиссерски. Они как бы продолжают развитие действия. Каждый отдельный танцевальный кусок — это законченная мысль хореографа.

Девушки с кувшинами напоминают ожившие скульптуры. Девушки вереницей спускаются к ручью. Движения их грациозны; они постепенно заполняют сцену, сохраняя определенный рисунок, и вот уже склоняются к воде...

И. Азиев, его растущее мастерство, чувство вкуса заслуживают большого, серьезного разговора. А пока, после этой довольно беглой оценки его работ, мне хочется сказать и о чувстве большого удовлетворения от короткого общения с искусством осетинского театра — постановками оперы «Демон» и оперетты «Баранкин, будь человеком!», которые доставили мне немало приятных минут. Д. ЖУРКИНА, преподаватель ГИТИСа.